

Ферал Фавн

Анархистская субкультура

Оглавление

1.	3
2.	6
3.	9

1.

Легко сказать, что анархистского движения в Северной Америке нет. Такое утверждение попросту освобождает тебя от исследования природы этого движения и твоей собственной роли в нём. Однако сеть книжных магазинов, анархистских общежитий, сквотов, публикаций, регулярный встреч и корреспонденций, связанных с антигосударственным и антикапиталистическим проектом, безусловно существует. И эта сеть определяет лицо целой субкультуры — со своими привычками, ритуалами и символами «бунта». Но может ли субкультура создать свободных индивидов, способных овладеть своими жизнями и действительно противостоять обществу? Думаю, анархистская субкультура оказалась в этом смысле бессильной. Стоит поговорить об этом подробнее.

Анархистская субкультура, несомненно, включает в себя разные формы активизма, исторические исследования, социальный анализ (теорию), креативную игру и опыты самоосвобождения. Но всё это существует не как глубокая практика, направленная на осознание общества и создание свободных жизней, а как ролевая социоактивность, цель которой — поддерживать себя и свою субкультуру, без которой индивиды как бы перестают существовать.

Толерантные и традиционные активисты определяют лицо анархистской субкультуры. Они отрицают необходимость радикального социального анализа, словно все темы уже раз и навсегда определены левыми либералами: феминизм, анти-расизм, борьба за права животных, геевское освобождение, экология, социализм, антимилитаризм. . . Добавьте сюда щепотку антигосударственности — вот вам и анархистская каша! Чтобы утвердить свой авторитет, эти активисты громче всех кричат на демонстрациях, практикуют сожжение разных флагов и призывают к атакам на полицию и фашистов. Они и не помышляют об анализе собственной позиции, которая в реальности сводится к роли лояльной оппозиции и поддерживает общий спектакль капитала. Эти люди воображают, что они являются частью массового движения сопротивления. Но на американском континенте нет никакого массового движения, нет организованного бунта, так что деятельность данных активистов — всего лишь повторение старых ритуалов и укрепление собственных позиций в субкультуре. Что касается анархистских историков, то они по большей части являются профессорами, издателями и владельцами книжных магазинов, чей главный интерес — распространять информацию об истории анархизма. Многие из этих людей имеют добрые намерения, но никто из них не способен приложить настоящий критический анализ к своим исследованиям. Большинство анархистских исторических материалов служит созданию мифов, культу героев и конструированию моделей, которые нужно имитировать. Но все эти модели несостоятельны, а «герои», как известно, жили в истории и соответствовали

конкретным историческим ситуациям, которых больше нет. Так анархистская история становится тем же, что и официальная история — сотворением мифа, который поддерживает существующие структуры (общество и субкультуру). Отдельные антиавторитарные теоретики разоблачили в своих книгах базовые институты современного общества и показали их роль в нашем одомашнивании. Некоторые из этих писателей решили отказаться от ярлыка «анархист», хотя их личные связи с субкультурой не прекратились. Однако несмотря на точность их критики, а также персональную практику мелкого воровства и отказа от работы, они остались «теоретиками», то есть сохранили ролевую функцию в субкультуре (и в более широком контексте). Не становясь орудием активного бунта, их мышление всего лишь выражает интеллектуальный край анархистского дискурса. Таким образом, ролевая модель интеллектуала воспроизводится в субкультуре, как и другие роли.

Креативная игра также оказалась специализирована внутри анархистского сообщества. Игнорируя критику, направленную на преодоление искусства (через спонтанную и свободную игру всех), различные mail-artists, «анти-художники», перформансисты захватывают область игры, разрушая спонтанность и свободу, и рассматривают свою деятельность как «альтернативное искусство».

Отдельные их мероприятия (фестивали, поэтические чтения, импровизированные jam sessions и «интерактивный театр») могут доставить удовольствие, но, поставленные в рамки искусства, теряют всякий подрывной потенциал. Вообще эти деятели считают, что «творчество» важнее атаки и удовольствия. Тем самым они возвращаются в лоно традиционного искусства и искусства институций. Их работа становится своего рода «продуктивистским трудом» по созданию произведений искусства. Игра превращается в спектакль. Игнорируя тот факт, что искусство — социальная и культурная категория, анархистские художники заявляют, что «искусство противостоит культуре», «искусство освобождает» и т. п. В конечном итоге, они конструируют для себя роль культурных деятелей внутри анархистского сообщества. Их деятельность никому не угрожает и ничему не мешает.

Когда ситуационисты объявили, что революционная практика должна стать терапевтической процедурой, они и не подозревали, что некоторые американские анархисты найдут способ связать эту мысль с некоторыми другими плохо переваренными идеями и назвать свою мешанину «new age психотерапией». Эта последняя вошла в анархистскую субкультуру в основном через феминистское и геевское движения. Главная претензия названной практики — самооткрытие и самоосвобождение. Но все без исключения психотерапии — включая гуманистическую, «восточную» и так называемую «третью силу» — придуманы специально для интеграции людей в общество. Когда геи и феминистки начали использовать терапевтические техники, это помогло поместить индивидов в «общую рамку» социума, то есть умиротворить и нормализовать их. Анархо-терапевты усвоили практики, подобные медитации, игровой те-

рапии, «группам поддержки» и т. п. Но что такое медитация? Не более, чем форма эскапизма (без урона, наносимого алкоголем или наркотиками). Она частично снимает ежедневные стрессы, уменьшая невыносимость жизни. Это может быть полезным, но отнюдь не самоосвобождающим. Игра как терапия, так же, как игра как искусство, теряет свой подрывной стержень. Она создает атмосферу безопасности, но не самооткрытия. В общем и целом, все терапевтические практики вырывают индивидов из их ежедневного опыта и помещают в отдельное «терапевтическое» пространство, и тем самым — в определённую социальную и идеологическую рамку. В случае анархо-терапевтов это опять-таки рамка анархистской субкультуры и ещё одной ролевой модели. Большинство людей, которых я встречал в анархистской субкультуре, искренние люди. Они действительно желают бунтовать против власти (авторитета) и мечтают разрушить порядок боссов. Но они — продукты данного общества, их научили не доверять себе и своим желаниям, бояться всего неизвестного. Обнаружив субкультуру (с более или менее стабильными ролями, которые можно постоянно воспроизводить), они убеждают себя, что достигли земли бунтовщиков и что здесь можно расположиться вполне комфортно. Куда сложнее, однако, совершить настоящий прыжок в неизвестное — в области, где начинается реальная война против общества.

2.

Структура анархистской субкультуры в основном организована вокруг печатных проектов, книжных магазинов, коллективного существования и анархистского активизма. Эти проекты и сам метод, по которому они реализуются, напоминают практику евангелических религиозных сект.

Большая часть проектов ведётся коллективно, на основе консенсуального решения проблем. В других случаях проекты разрабатываются отдельными индивидами, которым помогают друзья. Я приберегу прицельную критику консенсуса для другой статьи. Пока же достаточно указать, что процедура консенсуса требует подчинения индивида (и его воли) группе. Начинается с того, что индивид обязан приспособиться к периодичности и регламенту встреч и обсуждений, а также к ритуалу принятия решений. Это уже имеет консервативный характер, поскольку создаёт правила, которые могут быть изменены, только если все с этим согласны. Так создаётся невидимый авторитет, довлеющий над индивидами. Имя его — «коллективность». Многие анархисты живут отдельно или с любовниками. Другие отдают предпочтение коллективной жизни (иногда по той простой и наименее иллюзорной причине, что это облегчает финансовое бремя). Некоторые организуют «группы жизненной поддержки», заявляя, что таким образом проще «претворить теорию в практику». Коллективная жизнь, конечно, может упростить осуществление общего проекта. Но она может также превратить проект в идеологическое очковитирательство и самообман. Групповые ситуации часто ведут к созданию социальных ролей и блокируют индивидуальную критику. Большинство анархистов считает, что есть известные принципы, которые должны определять отношения между людьми. В сквотах и общежитиях эти принципы навязываются в качестве нормы. Так групповая жизнь перестаёт быть исследованием неизвестного и превращается в ещё одну структуру подчинения индивида готовой социальной идеологии. Группы перестают быть вызовом обществу (за исключением, пожалуй, сквотов, которые хотя бы угрожают безраздельной властью домовладельцев) и становятся безобидным привеском к господствующей системе. Разнообразные печатные проекты (включая периодические издания) и книжные магазины — главные поставщики истории, теории и информации в анархистской субкультуре. Так или иначе все эти проекты включены в капиталистический механизм и редко могут претендовать на подлинную автономность или революционность. И вряд ли есть что-то анархистское в бесконечных тоскливых посиделках и обсуждениях, как успешнее вести маленький бизнес, как оформить тот или иной журнал, как получше напечатать брошюру. Но что ещё хуже, эти издания чаще всего оказываются средством сужения мышления индивидов, а вовсе не предложением новых идей и практик. Большинство анархистских публикаций — не критические

переиздания старых текстов, активистская информация, левацкие сплетни, бесконечное повторение устаревших концептов. И даже те статьи и книги, которые так или иначе представляют собой вызов, редко становятся предметом критической дискуссии. Наоборот, они воспринимаются как ещё один стандарт, модель, которой стоит подражать или от которой следует бездумно отказаться. Многие читатели не различают за печатным словом подвижность мысли или полемическое начало, но воспринимает текст как нечто святое или кощунственное, что нужно осквернить или на что нужно молиться. В обоих случаях идеи овеществляются, то есть становятся товарами на рынке идей.

Другой аспект анархистских публикаций — пропаганда. Эта (рекламная) сторона анархистской субкультуры неопровержимо свидетельствует, что анархизм для многих является товаром на идеологическом рынке. Цель пропаганды — создать привлекательный образ анархизма, чтобы привлечь новых адептов. Многие из этой литературы попросту убаюкивает сознание людей, внушая им, что анархия не так уж экстремальна, что она не разрушит общество, что она безопасна, что в ней нет вызова. И поскольку эти публикации обычно покупают (или воруют) сами же анархисты, создаётся впечатление, что они сами себя успокаивают и всеми силами стараются сохранить субкультуру.

Активизм — ещё один аспект всего этого. Что он означает? Прежде всего участие в левацких демонстрациях, хотя время от времени анархисты организуют свои собственные шествия, посвящённые конкретным темам. Главный мотив демонстраций — привлечение новых кадров. Анархисты должны организовать себя как легко различимую группу, привлекательную для новичков. Прежде всего нужно заинтересовать молодёжь, в частности, панков. Для этого необходимо как можно больше шуметь и вообще показывать, что анархисты — крутые люди.

Многие анархисты участвуют в демонстрациях, потому что это — «правильный анархистский поступок». По мнению таких активистов, «анархист» — это роль, включающая специфическую социальную деятельность и особое поведение. «Анархист» — вариант левака, шумный, иногда агрессивный, иногда высокомерно-замкнутый, подчас развязный, но всегда убеждённый в необходимости демонстраций. Такова внешняя личина. Скрывается ли за ней бунт и анархия? Проблема заключается в том, что чаще всего демонстрации не имеют с бунтом ничего общего. И вообще: анархия и бунт не входят в ежедневную жизнь анархистов, а это — ложь и капитуляция.

Хотя некоторые из рассмотренных структур (прежде всего связанные с публикациями) обладают потенциалом анархистского вызова, субкультура больше озабочена самовоспроизводством, чем подрывом общества или атакой на него. Субкультура предлагает индивидам «убежища» и «ниши», где они могут чувствовать себя в относительной безопасности, но где невозможно познать риск и приключение. Так, называя себя бунтовщиками, анархисты бегут от бунта в своё гетто. Анархистская субкультура убивает анархию, превращая её в

товар, в болтовню, в спектакль, в ещё один клапан общественного механизма.

3.

Однако нельзя забывать, что главная особенность анархистской субкультуры — это то, что она «субкультура». Субкультуры представляют собой определённый социальный феномен со специфическими характеристиками. Если бы эти характеристики вели к бунту, если бы они понуждали людей к действию, то можно было бы надеяться на изменение анархистской субкультуры, на приращение ей революционных черт, на исправление ошибок. Однако все общие характеристики субкультуры указывают на то, что она в принципе не может иметь ничего общего с революцией и бунтом. В истории существовало много субкультур, и все они оказались захваченными властью. Это ясно показывает, что есть нечто в любой субкультуре, что мешает ей стать подлинным вызовом обществу.

Очевидно, что субкультура не является официальным или легальным единством. Вместе с тем существуют негласные законы и принципы, организующую всякую субкультуру. Это — общие ценности и идеалы, привычки и отношения, разделяемые всеми участниками субкультуры. Таким образом, пребывание в субкультуре требует согласия. Это, конечно, не исключает разногласий в интерпретации отдельных принципов — и такие разногласия возникают довольно часто. Люди трактуют ценности и идеалы по-разному, и это нормально. Но индивид, начисто отказывающийся принять «законы» (систему ценностей и отношений) субкультуры, оказывается для неё подлинной угрозой. Его отлучают. Он — опасен и аморален; его нужно изгнать, приговорить к молчанию. Он (вольно или невольно) обнаруживает, что субкультура держится на морали. Это то, что позволяет ей ощущать своё превосходство над обществом. Но тем самым субкультура создаёт модус отношения к другим — оперируя понятиями вины и правоты, то есть по примеру любой власти. Именно власть всегда и везде правит с помощью двух орудий — вины и правоты: я (власть) права, а вы (непокорные) виновны. Для существования субкультуры, таким образом, необходим авторитет.

Логика «законов» подразумевает нетерпимость по отношению к тем, кто не признаёт или восстаёт против них. Та же логика ведёт к снисходительности и терпимости ко всем, кто является частью субкультуры (даже если это последние конформисты и проходимцы). Из-за расхождений в интерпретации «законов» возможны споры и драки, однако — в рамках и под контролем. Всё для поддержания субкультуры! Никаких эксцессов! В результате конфликты сводятся к пошлости. Радикальность и экстремизм дозволяются только в малых дозах и лишь когда они пусты, то есть не угрожают субкультуре. Коммуникация одобряется до тех пор, пока она не раскаляет страсти (исключая стилизованную страсть, одобряемую субкультурой). Такт, осторожность, вежливость — нормы, ведь они поддерживают «единство в разнообразии». Столк-

новения ритуализируются и ставятся в скобки. В субкультуре нет места для честных и страстных конфликтов, лицом к лицу. Индивидуальные вспышки подавляются во имя социальной гармонии, во славу консенсуса. Основа анархистской субкультуры — банальная идеализация анархии. Превозносятся модели прошлого (Испанскую революцию, деятельность Малатесты, Махно и т. п.), хранители субкультуры понимают анархию как идеальное общество будущего, способное решить все сущностные проблемы. Она становится Евангелием, слово которого покоряет и объединяет людей, а иногда и Богом, который требует жертв. Идеализированная анархия утрачивает все связи с реальностью и делается средством принуждения к толерантности, согласию и нормальности, гарантируя поддержку субкультуры.

Анархистская субкультура существует только потому, что она изымает анархию и бунт из области ежедневной жизни, превращая их в абстрактные сущности. Субкультура превозносит «спонтанность», в то же время подавляя её. Свободное выражение чувств и желаний не одобряется. Любое новое исследование или эксперимент воспринимаются как угроза. Это объясняет абсурдные защитные реакции анархистов на некоторые дерзкие теоретические построения, которые именно из-за подобных реакций остаются теорией без практики. Субкультура — место капитуляции, сдачи, разоружения, безопасности, сохранности, где можно найти социальную роль и построить систему отношений, но где невозможно свободное исследование и поиск неизвестного.

Из всего этого следует, что анархистская субкультура не имеет ничего общего с проживаемой анархией и действительным восстанием, но является общественным способом мистифицировать и ограничивать бунт. Дети этого общества, мы все изоощряемся в недоверии друг к другу, в страхе перед лицом неведомого, в предпочтении безопасности свободе. Поэтому неудивительно, что мы легко включаемся в проекты и акции, поддерживающие субкультуру. Но пора признаться, что это — наш способ приспособиться к обществу, которое мы якобы ненавидим. Субкультура — не повстанческий лагерь, но лояльная оппозиция, «законы» которой (как и все законы) утверждают необходимость общества.

Итак, пришло время послать осторожность к чёрту, похерить, как сказали бы сюрреалисты, все правила и законы, выйти за пределы субкультуры, а затем — разрушить и уничтожить её. Всегда найдутся люди, желающие построить что-нибудь на её месте, но вопрос заключается как раз в том, что на её месте ничего не нужно строить. Нам не нужен авторитет в наших мозгах, нам не нужен порядок, неписанные правила и табу, нам не нужен закон. Мы хотим расстаться с нашим страхом, заставляющим нас отказываться от неизвестного и превращающим бунт в видимость бунта. Мы хотим убить этот страх.

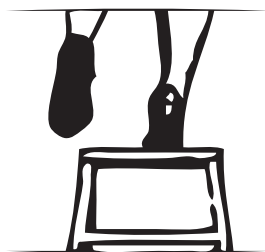
Без поддержки субкультуры мы останемся ни с чем — только с самими собой. И тогда мы — смертные, движущиеся к свободе, страстные индивиды, каждый из которых — единственное основание для созидания собственной жизни и

отказа от общества — осуществим себя. Бунт перестанет быть ролью и превратится в ежеминутную борьбу против ограбления наших жизней. Анархия не будет больше идеалом, но станет атакой на власть. Первый шаг к этой новой реальности — перестать мыслить как жертвы и начать действовать как созидатели мира. Нерешительность и паранойя, пронизывающие наши отношения, должны быть отринуты, мы обязаны осознать нашу силу и увидеть скрытую слабость общества, против которого мы сражаемся. Мир откроется нам во всей своей красоте и радости. Мы научимся смотреть в лицо неизвестному, говорить друг с другом открыто, не бояться конфликтов. Мы сможем противостоять обществу самой силой наших желаний, смеха и жажды жизни. Мы откажемся от надёжных ответов и систем, мы разрушим безопасные тюрьмы, в которых мы сами себя похоронили, и предпочтём свободу, странствие, постижение, открытие. Но всё это будет возможно лишь тогда, когда мы разрушим субкультуру, которая связывает нас. Мы должны научиться рисковать.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Ферал Фавн

Анархистская субкультура

Статья из сборника “На ножах со всем существующим”,

Рига, Умопомрачительный самиздат, 2006

Сохранено 12 сентября 2011 с ресурса Бакуниста: bakunista.nadir.org